

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ: СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ СРЕЗ

*А. Х. Боров, заведующий кафедрой всеобщей истории
Кабардино-Балкарского государственного университета,
кандидат исторических наук, г. Нальчик*

Осуществляя анализ ситуации на Северном Кавказе, следует отдавать себе отчет в том, что речь, в конечном счете, идет не просто об одном из регионов страны, а обо всем современном Российском государстве – его прочной легитимации в обществе как предпосылке гражданской консолидации, обеспечении территориальной целостности, успешной модернизации и восстановлении своей мощи. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных социокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности. Перспективы осуществления национальной стратегии России можно обсуждать всерьез, только если ставить и решать вопросы, относящиеся и к Северному Кавказу как объекту, и к государству как основному субъекту такой стратегии.

Региональный опыт и последствия переходного периода

С конца 1980-х гг. официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении

1990-х гг. описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять, почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание две группы факторов.

Во-первых, очевидно, что отражение модернизаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывавшей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона. В северокавказском региональном сообществе имелись предпосылки, позволяющие ему органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: более или менее развитой городской и промышленный сектор, достаточно представительный профессиональный класс, присутствие в массовом сознании элементов трудовой этики и эгалитаристских ценностей. Но наряду с этим сохранялся мощный пласт этносоциальных и этнокультурных традиций, поддерживаемый непропорционально большой долей сельского населения в местных этнических сообществах (к 1989 г. только среди осетин и балкарцев городское население превышало сельское).

Во-вторых, достаточно соотнести преобразовательную политику последних пятнадцати лет с реформаторским опытом предшествующих эпох, чтобы обнаружить источники многих современных проблем региона. На протяжении XIX-XX вв. на Северном Кавказе были реализованы три модели преобразовательной политики: имперско-либеральные реформы 60-70-х гг. XIX в., социалистическое строительство советской эпохи как форма модернизации и демократические реформы 1990-х гг.

Закрепить военно-политические результаты Кавказской войны была призвана первая волна преобразований, она разворачивалась в условиях общего укрепления Российского государства и осуществления им системных, но постепенных и контролируемых сверху реформ. Приоритетной для государственной политики на Кавказе была задача более прочной интеграции региона в имперское социально-политическое пространство. Эта задача решалась с учетом социокультурной специфики на основе сочетания безусловного верховенства центральной власти с элементами судебно-административной автономии региона.

Вторая, социалистическая, волна общественных преобразований стала осуществляться на Северном Кавказе уже после Гражданской войны в условиях упрочения советского государства. В отличие от реформ XIX в. они носили чрезвычайно глубокий, радикальный характер, реализовались форсированными темпами на основе жесткой административной централизации и политико-идеологической унификации. С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но при этом сохранялся этнотерриториальный (национально-государственный) принцип государственно-политической организации народов региона, а процесс социалистического строительства нес народам

региона реальную социально-экономическую модернизацию и одновременно приобретал символическую форму национального расцвета.

Современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер («500 дней», «шоковая терапия», «ваучерная приватизация») и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Необходимо рассматривать в едином ключе и включать в содержательную характеристику идущих в российском обществе процессов все проявления и последствия политики реформаторского центра на всем социальном и культурном пространстве страны, в том числе на Северном Кавказе. В самом деле, основные явления, развивавшиеся в последние годы на социальной и этнической почве Северного Кавказа и составившие затем предмет озабоченности комментаторов и властей – суверенизация автономий, подъем этнонационализма, сепаратизм, межэтнические конфликты, – выступают как изоморфные содержанию и идейно-политическому оформлению переходных процессов, инициированных политикой перестройки и продолженных в постсоветской России. Они развивались, резонируя с революционно-реформаторской активностью правящей элиты, особенно на этапе «отвоевания» России у союзного центра. Можно сказать, что процессы, протекавшие в последние годы в региональном «северокавказском социуме», выражали его реакцию и адаптацию к радикальным изменениям в «окружающей» институциональной и культурно-идеологической среде, превращаясь в конечном итоге в составную часть самих этих изменений.

На этом фоне обычные попытки объяснить этнополитическую динамику в Северо-Кавказском регионе отдельно взятыми этнодемографическими, историко-политическими, социокультурными либо социально-экономическими факторами представляются упрощенными. Реальное этнополитическое развитие определялось скорее их конкретно-историческим сочетанием и кумулятивным (взаимодополнительным) действием именно в контексте «переходного» состояния общества и государства, и вызванного им всеобщего кризиса идентичности. Это значит, что во всех направлениях политического анализа и во всех вариантах «проектирования» государственно-политической организации региона присутствует – в качестве их предпосылки и основы – та или иная трактовка социально-исторического содержания современного (с конца 1980-х гг.) переходного периода в жизни российского общества и государства.

Поэтому представляется оправданным и продуктивным взгляд на Северный Кавказ как на зеркало современной российской революции. Официальная и наиболее популярная в академическом мире концепция сводит ее содержание к совокупности преобразований, ориентированных на

модернизацию российского общества – формирование экономической системы рыночного типа, гражданского общества и правового демократического государства на базе принципов либерализма.

Несмотря на живучесть сугубо идеологизированных истолкований модернизационной концепции в последнее время все больше внимания уделяется анализу реального исторического опыта «переходного периода», совершенствуются эмпирические и концептуальные основы такого анализа. Наименее разработанными остаются те аспекты понимания переходных процессов, которые связаны с «мультикультурным характером» российского общества (в различных его измерениях) и анализом отражения модернизационных начинаний в различных «субкультурах», не в последнюю очередь этнорегиональных. Между тем, очевидно, что с точки зрения различных социокультурных сред эти начинания приобретают различное «значение» и ведут к различным последствиям.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «спрессованной неоднородностью», с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобретало все то, что могло вести к «возбуждению» этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере «управляемости» этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов. Реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и повсеместный подрыв устоев общественного порядка.

Неизбежным следствием, в известном смысле необходимой для северокавказского социума компенсирующей реакцией на разрушительные и дестабилизирующие воздействия, стало хотя бы частичное восстановление социорегулятивных функций традиционных, «досовременных» моделей самоидентификации, ценностей, социальных ролей и институтов, ментальных структур и типов социального действия.

В этих условиях этносоциальные общности региона оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации. На Северном Кавказе эти вызовы по преимуществу приняли форму этнического национализма и межэтнической напряженности, а в ряде случаев – конфликтов и прямых столкновений.

Потенциал напряженности и характер проблем в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений

При первом взгляде на текущую ситуацию на Юге России обычно констатируется два очевидных факта. Во-первых, уровень напряженности в межнациональных отношениях существенно снизился по сравнению с первой половиной 1990-х гг., а открытые очаги конфликтов погашены. Во-вторых, она (напряженность) все же сохраняется в «пределах допустимой концентрации», а надежные гарантии, исключающие новые обострения ситуации,

отсутствуют. Объясняя это обстоятельство и строя прогнозы, часто ограничиваются перечислением ряда факторов, которые сами по себе, безусловно, имеют отношение к делу. Но для выработки целенаправленной государственной политики требуется гораздо более дифференцированный подход.

Прежде всего, такие явления как полиэтнический и поликонфессиональный состав населения региона, наличие в нем национально-государственных образований и сложная история отношений местных народов между собой и с Российским государством должны быть вынесены за скобки политического анализа. Все это необходимо глубоко изучать. Без компетентности в соответствующих вопросах невозможно проводить осмысленную политику.

Следует различать источники межнациональной напряженности и условия, которые способствуют ее эскалации.

Имеются источники общего и долговременного характера, но большая их часть унаследована от непосредственно предшествующего периода. Здесь можно отметить:

- присутствие в массовом общественном сознании негативных этнических стереотипов, представлений об исторических врагах данного народа, элементов этноцентризма, ксенофобии, интолерантности;
- сохранение приглушенных, но неразрешенных конфликтов;
- наличие актов и заявлений высшего политического руководства страны (дезавуированных либо не дезавуированных), содержащих политическое и правовое санкционирование сепаратизма и взаимных притязаний различных этнических групп;
- наличие явно выраженных территориальных и политических (статусных) притязаний к другим этническим группам;
- существование и деятельность организаций, движений, сил, выдвигающих националистические либо этнократические цели;
- провокационная и дестабилизирующая активность террористических групп и внешних сил.

Условия, способствующие межнациональной напряженности, также носят разнопорядковый характер. Весьма важно различать условия конъюнктурные (или ситуационные, преодоление которых есть вопрос политической воли) и структурные (или долгосрочные, которые требуют целенаправленной, «программной» политики со стороны государства). Здесь можно отметить:

- слабость государства, неспособность обеспечить правовой порядок и управляемость в стране;
- социально-экономическую нестабильность, углубляющийся разрыв в уровне развития и структуре экономики Северного Кавказа и коренной России;
- отток русского населения из национальных республик региона, ухудшение социально-профессиональной структуры местного населения и углубление этнокультурной дифференциации между «Югом» и «Севером» России;
- общую миграционную ситуацию, резкие и масштабные сдвиги в этническом составе населения краев, областей и республик ЮФО;
- фрагментацию единого культурного пространства страны, размывание

контуров оссийской национальной культуры как горизонта социокультурной ориентации для народов Северного Кавказа и одновременный кризис их этнокультурной традиции под воздействием факторов культурной глобализации;

- слом устоявшихся механизмов социализации (формирования) молодых поколений, катастрофическое снижение для молодежи планки позитивных жизненных ожиданий.

Выраженная в общей форме задача «стабилизации межконфессиональных отношений» может дезориентировать общественность и органы власти. Представляется, что отношения между традиционными для Юга России конфессиями как таковыми и их официальными духовными лидерами лишены конфликтного потенциала. Действительные проблемы в этой сфере носят скорее внутриконфессиональный характер и связаны с взаимоотношениями традиционных и нетрадиционных (сектантских), умеренных и радикальных религиозных течений.

Религиозный радикализм как явление внутриконфессиональное (сектантство) означает притязания религиозной группы или течения на олицетворение чистоты веры и догматическую непримиримость к иным толкованиям данного вероучения. Как явление общественно-политическое (фундаментализм) он означает требование строить и регулировать всю общественную практику в полном соответствии с религиозными предписаниями.

Религиозный экстремизм представляет собой совокупность действий, направленных на воплощение в жизнь конфессиональных и социально-политических установок религиозного радикализма (сектантства и фундаментализма), если они осуществляются в нарушение Конституции и законов РФ.

Религиозный радикализм коренится в объективных предпосылках и не может быть искоренен раз и навсегда. Однако масштабы и острота его проявлений зависят от конкретных условий времени и места. Существенную роль в распространении религиозного радикализма играют культурные факторы.

Сама природа религиозного сознания подразумевает фиксацию несоответствий реального земного порядка и божественных предустановлений. Отсюда вытекает определенная социально-психологическая напряженность и стремление к «разрешению» этих противоречий.

Процессы глобализации несут разрушение культурных барьеров, угрожают самому существованию традиционных местных сообществ, вызывают в них кризис самосознания, духовный стресс и стремление защищать себя от внешних воздействий.

В современной России духовная дезориентация усугубляется последствиями крутой ломки государственной и общественной системы и интенсивным процессом культурной колонизации страны со стороны Запада.

Информационная открытость и практически беспрепятственная свобода передвижений иностранных граждан создают благоприятные условия для постоянной активности в республиках Северного Кавказа зарубежных центров и сил, заинтересованных в распространении идей религиозного

радикализма. Такие же центры и силы сформировались уже и в самом Северо-Кавказском регионе.

Характерная особенность ситуации в том, что религиозный радикализм в регионе выступает почти исключительно как феномен молодежного сознания и поведения. С другой стороны, он связан с этническим национализмом по принципу сообщающихся сосудов. Подъем религиозного радикализма практически «компенсировал» снижение уровня этнической мобилизации в регионе со второй половины 1990-х гг. Это обстоятельство свидетельствует о невозможности изолированного решения проблем в сферах межнациональных и межконфессиональных отношений.

Проблема стратегической оценки ситуации

Для того чтобы сформировать прочную основу национальной стратегии России на Северном Кавказе, необходимо, во-первых, определить константы в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России, во-вторых, вычленив в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые будут определять будущее на достаточно длительный период.

Разумеется, константы, о которых идет речь в данном случае, ни в коей мере нельзя отождествлять с константами физическими. Но при широком, «панорамном», видении исторического процесса в нем обнаруживаются некоторые чрезвычайно устойчивые структуры, которые выступают для каждого отдельно взятого поколения в виде объективно заданных параметров социально-исторической реальности. С другой стороны, эти объективные константы с неизбежностью выражают себя в воспроизводстве сходных форм субъективного человеческого опыта.

Культурная самобытность Кавказа, зародившаяся в глубокой древности и неустраняемая на обозримую перспективу, сформировала две константные черты российско-кавказского исторического процесса. Во-первых, это присутствие в государственном и социокультурном пространстве России исторического региона, отмеченного культурной инаковостью, и связанная с этим необходимость преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов, достижения социально-культурного синтеза. В длительном и разнообразном историческом опыте взаимодействия России и Кавказа воспроизводятся элементы, черты, проблемы, сближающие рубеж XX и XXI вв., скажем, с серединой XIX или даже XVI в. Они выражают, в конечном счете, связь культуры и политики, опосредованность политических форм этого взаимодействия способностью либо неспособностью поддерживать диалог и достигать взаимопонимания культур. Во-вторых, это внутренняя двойственность самих основ жизнедеятельности и самосознания народов Северного Кавказа. Глубокие предпосылки этой двойственности восходят к периоду X-XV вв., когда определилось расхождение цивилизационных путей России и народов Северного Кавказа. А с 1860-х гг., когда российское

государство приступило к глубоким преобразованиям местных обществ с целью их инкорпорации в социально-политический организм империи, дуализм привнесенных и автохтонных, современных и традиционалистских начал общественной жизни стал пронизывать все аспекты мировидения и социальной практики народов региона.

На субъективном срезе исторического процесса обозначенные выше структурные константы порождали две столь же постоянные проблемы.

Во внутрироссийском плане – это необходимость отыскания особых форм государственно-политической организации Северного Кавказа, отражающих его этнотерриториальную и этнокультурную специфику, но выполняющих при этом функцию интеграции местных обществ в общероссийский социально-политический процесс. Мы видели, что на всем протяжении исторического взаимодействия российского государства с народами Северного Кавказа возникала проблема культурного взаимопонимания, учета особенностей мировосприятия, социальных традиций, политической культуры народов региона, что являлось необходимым условием эффективности решения государственных задач.

В международном плане культурная (этническая и конфессиональная) инаковость региона по отношению к коренной России порождала постоянное стремление внешних сил использовать его в целях геополитического давления на Россию. Это стремление приобретало открытые формы в периоды резкого ослабления российского государства. В современных же условиях соединяются два фактора – долговременное снижение относительной мощи Российского государства и его включение в процессы экономической, политической и культурной глобализации, предъявляющие требования открытости российского политического пространства для деятельности различного рода международных структур.

Анализ экономических и социально-демографических процессов в Северо-Кавказском этносоциальном конгломерате в условиях государственного распада и радикальных преобразований постсоветского периода свидетельствует об их долгосрочном воздействии на перспективы политической консолидации и социально-культурного синтеза в российском государственном пространстве.

Экономическая динамика 1990-х гг. и современные экономические проблемы Северного Кавказа складывались в результате взаимодействия двух групп факторов – структурного наследия эпохи советской модернизации и условий, возникших в результате крушения советской системы и радикальных реформ. К концу 1980-х гг. сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа. Этносоциальные и этнокультурные особенности северокавказских народов сказывались при освоении ими советских форм модернизации, придавая им дополнительный традиционалистский «акцент». На эту социокультурную почву наложился условия, возникшие в ре-

зультате крушения советской системы и радикальных реформ начала 1990-х гг. Рыночные преобразования привели к свертыванию индустриального сектора экономики Северного Кавказа, усилению ее сырьевой направленности, росту ее теневой составляющей, углублению внутрирегиональной хозяйственной стратификации.

Оценивая общие результаты экономических трансформаций, специалисты рассматривают Юг России как территорию с особо существенной ролью в экономике ее малых, мелкотоварных форм, с выраженными проявлениями многоукладности. Специалисты считают, что применительно к реалиям национальных республик доля традиционных видов и форм хозяйственной активности превышает половину объема ВРП (с учетом преобладания сельского населения и в целом сельского образа жизни, неформальной занятости, и т. п.). В связи с этим в науке утверждается представление о существенной роли этноэкономики в обеспечении важнейших социальных и макроэкономических функций в условиях переходного общества.

Урбанизация населения в Южном федеральном округе существенно ниже, чем по России в целом. Еще ниже уровень урбанизации в национальных республиках. Но социально-демографические последствия кризисного периода 1990-х гг. выявляются при сопоставлении уровня урбанизации в республиках региона по данным переписей 1989 и 2002 гг. Они показывают, что за указанный период доля городского населения выросла, – но крайне незначительно – только в Адыгее и в Ингушетии. В остальных республиках региона даже по формальным статистическим показателям происходит своего рода рурализация населения.

Экономические сдвиги конца XX в. выступают в качестве важнейшего фактора, видоизменяющего всю этнодемографическую композицию Юга России. В рамках советской модернизации вплоть до начала 1960-х гг. экономические преобразования сопровождались ростом «русской составляющей» в населении северокавказских автономий. Вместе с тем, уже с 1970-х гг. наметилось абсолютное снижение численности русских, которое в 1990-е приняло форму «исхода» из региона. Удельный вес населения северокавказских народов в общей численности всего населения рассматриваемых республик вырос, а доля русских в численности всего населения республик региона сократилась. Это рассматривается как свидетельство происходящих в республиках Северного Кавказа процессов моноэтнизации населения.

Изучение содержания, тенденций, функций культурно-идеологических трансформаций, протекавших на Северном Кавказе в условиях государственного распада и радикальных преобразований постсоветского периода, показывает, что для перспектив политической консолидации и социально-культурной интеграции государственного пространства современной России культурно-идеологическое измерение общественной жизни имеет фундаментальное значение. Ведь именно доминирующие в культуре общества ценности и нормы непосредственно определяют жизненное поведение и социальную практику. Между тем, здесь продолжают развиваться тревож-

ные процессы. Налицо ярко выраженные тенденции фрагментации культурного пространства страны. Подвергается эрозии образ единой, общей для всей страны, национальной российской культуры. Полюсами культурного воздействия на молодежь оказываются, с одной стороны, современная массовая культура, лишенная национального начала, а с другой, – возрождаемые традиционные культурные формы, зачастую несущие этническую и религиозную обособленность. Вместе с тем, сохраняются определенные угрозы для целостности нашего государства. В этих условиях текущие культурные процессы приобретают двойственность: они могут оказаться и фактором разрушения, и фактором укрепления общероссийской исторической и гражданской идентичности. Между тем, единство России не может быть воплощено только в политических и административных скрепах, удерживающих общество и государство от распада. Оно должно присутствовать в сознании – в умах и сердцах всех граждан страны.

На пересечении социально-экономических и этнодемографических процессов в регионе формируются структурные условия дальнейшего дробления единого общероссийского поля гражданской самоидентификации, связанного с феноменом «анклавизации» социально-культурного и правового пространства Юга России.

В сфере рационального общественного дискурса или в культуре интеллектуалов, представляющих тот или иной северокавказский этносоциум, проблемы культурного обновления не находят адекватного решения. Концептуальные построения местных обществоведов и общественных лидеров несут глубокие внутренние противоречия, и неспособны предложить убедительные ориентиры для личностного самоопределения и коллективных политических практик.

Набор индикаторов социокультурного «разлома», пролегающего по границам национальных республик, либо по этническим границам на Юге России в целом, можно при желании умножить, но чрезвычайно важно обратить внимание и на некоторые уравнивающие тенденции. Прежде всего, это массовые установки этнических социумов Северного Кавказа в сфере современного образования. В этом отношении обнаруживается существенная общность процессов, протекающих в регионе с общероссийскими тенденциями. Во-вторых, это необычайная устойчивость политической самоидентификации массовых слоев населения в республиках с российской «державностью».

В целом, если говорить о запросах, устремлениях и ожиданиях массовых слоев населения, то они, безусловно, ориентированы не на отдельное от России движение вспять, в прошлое, а на совместное с Россией движение вперед, в будущее. К настоящему времени в основном сложились условия, позволяющие задействовать этот ресурс национальной стратегии.

Политические условия реализации национальной стратегии

В течение почти уже двух десятилетий различные заинтересованные группы, институты, общественные и политические силы внутри и вне России предлагают и преследуют различные стратегии «для», а чаще «по отношению к» России. Но это не создает автоматически возможностей осознанного выбора и последовательного осуществления самой Россией какой-либо определенной и последовательной стратегии собственного развития. Прежде чем спорить о том, какой путь следовало бы выбрать, необходимо было решить, что значит «выбрать» и как может современная Россия выбрать тот или иной путь. С этой точки зрения сущность системного кризиса российского общества в 1990-е гг. – в утрате возможностей национального выбора, а преодоление кризиса должно было привести к восстановлению этих возможностей. Анализ должен отражать тот достаточно очевидный факт, что на деле в стране имели место не просто «экономические реформы», а глубокая общественная трансформация, существенно изменившая как раз соотношение и взаимоотношения государства и общества; что сущность российских реформ определялась, в первую очередь, их социально-политическим содержанием. Заложенная в тот период структурная подоснова общественно-политической динамики – это осуществленная в ходе «реформ» приватизация государства. Разумеется, она стала возможной постольку, поскольку в недрах прежней системы сложились для этого определенные предпосылки. Но в дальнейшем она выступала как самостоятельный структурный фактор, производными от которого являлись другие существенные элементы ситуации 1990-х гг.:

- ослабление механизмов власти и управления в стране и реальная угроза ее распада;
- дезорганизация экономической системы и криминализация общества;
- утрата массами населения духовно-идеологических ориентиров и кризис идентичности.

Развитие всех этих тенденций к концу десятилетия приблизилось к пределу, за которым возникала непосредственная и жесткая альтернатива – полная (хотя бы и «ползучая») дезинтеграция либо реконсолидация государства и общества в России. В каждой из соответствующих сфер (государственно-политической, экономической, духовной) присутствовали компенсирующие и стабилизирующие факторы. Но без привнесения интегрирующего начала и целеустремленной политической воли преодоление инерции распада в стране было маловероятно или, во всяком случае, – не гарантировано. Произойдет ли кардинальный поворот в курсе реформ, зависело от того, ограничатся они только сферой экономической политики, или предметом реформ вновь станет само государство.

Здесь начинается та область анализа, которая неотделима от определенных ценностных ориентаций и вытекающих из них оценок. Я исхожу из того, что сущностным предназначением всякой сколько-нибудь развернутой программы реформ в условиях экономического упадка и социально-

политического кризиса (а именно таковы были условия в России к 1998 г.) является достижение национального восстановления, национальной реконструкции. Достаточно очевидно, что предпосылкой и условием осуществления такой политики реформ в России являлась «национализация государства», т. е. его деприватизация, его «обобществление». Следует предостеречь от недобросовестных интерпретаций этого тезиса. Во-первых, речь здесь может идти о «нации» только в гражданском, политическом смысле этого слова, но никак не в этническом. Более того, этнический национализм и этнократические притязания как в центральном звене государственно-политической системы, так и в региональных ее компонентах суть формы той самой «приватизации» государства, преодолеть которую и должна его «национализация». Во-вторых, восстановление или реконструкция никоим образом не означают в данном контексте «реставрацию» и возврат к прошлому. Если говорить без чрезмерной детализации и специальных обоснований, то национализация государства подразумевает: восстановление и поддержание законности во всех сферах общественной жизни и на всей территории страны; демократизацию политического режима; «социал-демократизацию» экономического курса; восстановление единства внутренней и внешней политики государства.

Анализ возможностей реализации именно такого варианта развития событий («национализация» государства и осуществление им реформ, направленных на национальную реконструкцию) требует уже соотнесения «нормативных» представлений с «фактическими» обстоятельствами. Судьба самой «правильной» (морально обоснованной и рационально сформулированной) политической программы определяется общим ходом политического процесса, а не ее собственными достоинствами. То, что произошло в течение одного года, с сентября 1998 по сентябрь 1999 г., можно охарактеризовать как своего рода революцию в революции. Основные результаты постсоветских преобразований сохранились, но от бурного либерального реформаторства власть с этого времени перешла к их ревизии и консолидации, а на смену тотальному разгосударствлению и политической фрагментации пришло собирание и укрепление российской государственности. Современный политический процесс несет достаточно благоприятные для описанной стратегии факторы, позволяющие завершить выход из неустойчивой по определению «режимной системы» 1990-х гг. в режим стабильной и эффективной демократии. Однако в обществе и политических кругах страны нынешняя стабилизация рассматривается многими не как завершение, а как начало нового тура преобразований, направленного на реставрацию тех или иных сторон прежних порядков (будь то советского либо досоветского периода).

Применительно к Северному Кавказу это связывается в первую очередь с этнополитическими проблемами, и дело при этом не ограничивается ситуацией вокруг Чечни. В самом сохранении нынешней системы национально-государственного устройства региона иногда усматривают угрозу для территориальной целостности России. Но в качестве средства пре-

дотвращения этой угрозы предлагаются меры исключительно политико-правового и административного характера.

Необходимость программной государственной политики в регионе

За текущими, конъюнктурными кризисами и обострениями серьезная государственная политика в регионе должна видеть и опираться на отмеченные выше постоянные величины в современной кавказской реальности. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит и через управление территориями или населением, и через управление базовыми общественными процессами, протекающими в регионе.

Оценка потенциала напряженности и проблем, существующих в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, будет малопродуктивной, если не учитывать особенности их пространственного распределения. Внутрорегиональная дифференциация по всем этим параметрам между отдельными республиками весьма глубока. Создание Комиссии по вопросам координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе, казалось, свидетельствовало о необходимости интеграции «отраслевого» и «проблемного» подхода с территориальной организацией государственного управления. Но сама Комиссия не может в своей деятельности оперировать такими единицами как ЮФО, Юг России, Северный Кавказ. Если действительно предполагается развернуть серьезную работу по стабилизации и гармонизации межнациональных отношений, то неизбежно потребуется осуществить детальное «картографирование» и «зонирование» территории ЮФО с точки зрения выделения на ней очагов конфликтов, ареалов напряженности, источников террористической угрозы, областей влияния исламского радикализма и т.д. Только последующее наложение полученной картины на административную, этническую, экономическую карту региона позволит определить «что» и «где» нужно делать. Представляется, однако, что основной территориальной единицей анализа, политики и управления должны быть административно-политические единицы – республики Северного Кавказа.

К настоящему времени в каждой республике оформилась своя специфичная система равновесия и набор факторов, поддерживающих социально-политическую стабильность. Их возможную реакцию, их способность воспринимать изменения без риска дестабилизации приходится учитывать при подготовке любых мало-мальски масштабных решений. Специфика каждой из них определяется структурой, характером взаимосвязей и соотношением сил среди «элитных» группировок, а также природой дестабилизирующих (конфликтотенных) факторов, которые удается контролировать в рамках сложившейся системы равновесия. С точки зрения задач государственной политики здесь требуют ответа два ключевых вопроса. Во-первых, имеются ли элитные группы и социальные слои, способные стать

проводниками политики региональной модернизации, каков их удельный вес и масштабы влияния в общем раскладе сил? Во-вторых, насколько жесткой, а, следовательно, хрупкой является данная система социально-политического равновесия? Является ли «застой» необходимым условием ее поддержания?

Когда речь идет об экономических проблемах северокавказских республик, недостаточно зафиксировать их отставание от других регионов по большинству показателей, низкий уровень доходов и высокий уровень безработицы. Надо понимать, что население в каждой из них выработало определенные формы приспособления к условиям экономического спада и распада. Эта реальная «система жизнеобеспечения» плохо учитывается официальной статистикой, а ее социальные последствия неоднозначны. С одной стороны, это один из главных источников социально-политической стабилизации. С другой, – в нее встроены и теневые полукриминальные структуры и система нелегальных «врезок» в потоки бюджетного финансирования. Тесно связаны с ней коррупция и криминальная «занятость» части молодежи. Экономическая политика, следовательно, должна быть не просто политикой роста, но политикой экономической модернизации региона, и она должна учитывать специфику сложившихся систем жизнеобеспечения в каждой из республик.

Весьма различно для отдельных республик соотношение форм территориальной и отраслевой организации систем власти, управления и современной экономики с формами социальной организации населения, в которых реально осуществляется их жизнедеятельность. Клановые структуры (построенные на различной основе) пронизывают всю систему «официальных» общественных институтов, но в ряде случаев имеются и целые «этажи» социально-территориальной организации общества, которые самоуправляются на основе традиционных общинно-религиозных принципов. Если не учитывать неизбежного преломления волевых импульсов и программных мероприятий в этой социокультурной среде или даже того, что значительные сегменты общества остаются вне зоны их воздействия, то возможен опасный для государственной политики отрыв от реальности. Вместе с тем, важно понимать, что общего признания роли клановых начал в жизни местных обществ недостаточно. Существенное значение для политики и управления имеют как раз видовые различия между ними и специфический их набор, характерный для той или иной республики.

Представляется, что сочетание трех указанных выше параметров уже позволяет типологически развести республики Северного Кавказа и преодолеть недифференцированное, «коллажное» изображение ситуации в регионе. Практически ориентированный анализ требует ввести в картину еще два аспекта, которые сравнительно хорошо осмыслены и артикулированы, – это, во-первых, формы и степень влияния исламистских сил и, во-вторых, вовлеченность отдельных республик во внутренние, межреспубликанские и внешние этнополитические конфликты. Тогда будет учтен набор

факторов, минимально необходимый для проведения осмысленной и последовательной «программной» государственной политики в регионе.

Столь же важным, как и пространственный фактор для формирования конкретной программы действий, является фактор временной. С точки зрения практической политики, в первую очередь необходимо предпринять шаги, позволяющие «развести» текущие аспекты ситуации на Северном Кавказе (предмет оперативного и «кризисного» управления) и долгосрочную, «программную» политику государства в регионе.

Если мы хотим сформировать такое знание современного российского Кавказа, которое могло бы лечь в основу перспективной политики государства в этом регионе, важно уловить возможные расхождения в тенденциях экономического и социокультурного развития Северного Кавказа и коренной России. То напряжение, которому подверглась двойственная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период 1990-х гг., не снято до сих пор. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом какими-либо одномоментными правовыми, административными или даже политическими акциями.

Следует ожидать, что черты «переходности» будут сопровождать местные общества на Юге России в течение длительного периода, хотя содержательные характеристики «перехода» будут существенно меняться. Здесь скажутся и наследие нерешенных проблем прошлого, и общая незавершенность процессов модернизации в регионе, и новые вызовы экономической, политической и культурной глобализации. В силу этого, для народов Северного Кавказа сохранится определенная напряженность между необходимостью соответствовать требованиям открытого и конкурентного мира современности и потребностями сохранения своей культурно-исторической идентичности.

Северный Кавказ, как пограничный регион России, находящийся на стыке различных геополитических и культурно-цивилизационных ареалов, еще долго останется объектом попыток различных внешних сил воздействовать на культурные предпочтения местного населения и на общую ситуацию в регионе.

Возрастающая интенсивность и многообразие связей с окружающей регион экономической, социально-политической, информационной средой при неизбежной смене поколений будут привносить в процессы регионального развития элементы неопределенности и непредсказуемости.

Идущие на Северном Кавказе процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой российского государства. Первая группа факторов достаточно амбивалентна и сама по себе не гарантирует перспективы устойчивого развития и социально-политической стабильности в регионе. Вторая объединяет внешне противоположные силы, однако вектор их геополитических интересов совпадает и направлен в сторону дальнейшего ос-

лабления позиций России на всем Кавказе и в Каспийско-Черноморском бассейне в целом.

Таким образом, вопрос о будущем Северного Кавказа упирается в оценку соотношения темпов развития негативных и позитивных тенденций в социально-экономической, культурной и политической сферах. А это значит, что, в конечном счете, судьба региона зависит от того, готово ли государство задействовать ресурсы, достаточные для эффективного направляющего воздействия на идущие в нем социальные процессы и для нейтрализации давления извне. Речь не может идти просто о финансовых средствах и их количественной достаточности. Важно мобилизовать весь набор необходимых ресурсов – политических, административных, финансово-экономических, культурно-идеологических – в соответствии с характером задач и внешних вызовов. А построение эффективной системы их использования само по себе должно рассматриваться в качестве одного из основных ресурсов государственной политики.

Объектами такой государственной политики являются не сами по себе терроризм, сепаратизм, исламский фундаментализм или какая либо иная проблема и не весь регион Северного Кавказа, где эти проблемы существуют. Ее объектами являются базовые общественные процессы в отдельных республиках, каждая из которых характеризуется своей системой социально-политического равновесия; специфическим укладом хозяйственной жизни, обеспечивающим существование ее населения; особым соотношением контуров официальной властно-управленческой системы и реальной организации социальной жизни ее населения; характерным набором источников и условий межнациональной напряженности.

Равным образом следует понимать, что не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем, – они не просто взаимосвязаны, они взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации. По сути дела, речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы в регионе получили центростремительную и модернизационную направленность. Но даже если окончательно определится одинаковая направленность развития, это еще не гарантирует, что расхождение в уровнях модернизации российского «центра» и северокавказской «периферии» не будет увеличиваться, а дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций в масштабах всей страны и внутри северокавказского региона не будет углубляться. Модернизационный процесс в регионах России неизбежно будет разноскоростным. Чтобы Россия выдерживала единое общенациональное движение в этом направлении, необходимо стимулировать его ускорение на Северном Кавказе.